

На главной вершине для боевых искусств Секты Десяти Тысяч Мечей сегодня развевались алые стяги, и стоял оглушительный голдомон.

Официально начался грандиозный сектанты турнир, проводимый раз в три года. Эта боевая арена, воздвигнутая на вершине одинокой, уходящей в небеса горы, простиралась на добрую сотню чжанов в окружности. Все здесь было создано прошлыми поколениями предтеч Секты Десяти Тысяч Мечей, которые с помощью непревзойденного намерения меча раскалывали горы и осушали моря. Выложенный массивными сине-черными валунами помост излучал под полуденным солнцем холодное, таинственное сияние. Вокруг него многоярусными кольцами поднимались белокаменные трибуны, на которых к этому моменту уже не было свободного места.

Сегодняшний турнир привлекал к себе всеобщее внимание не только потому, что определял расстановку сил среди учеников внутреннего круга Секты Десяти Тысяч Мечей, но и из-за присутствия знатных гостей из нескольких великих семей бессмертных практикующих, что придавало событию особую торжественность.

На возвышении восседали Глава секты и старшие старейшины, занявшие места в строгом порядке. На гостевых сиденьях рядом с Главой расположились несколько роскошно одетых особ с выдающейся манерой держаться. Среди них Линь Хуаньчжэнь, законная дочь семьи Линь — первого среди кланов бессмертных из Цзяннани, — сидела на широком кресле, покрытом белоснежной лисьей шкурой.

Линь Хуаньчжэнь сегодня облачилась в шитое по особому заказу семьи Линь платье из шелка струящихся облаков, а ее голову украшала изысканная шпилька с жемчугом. Она резко контрастировала со снующими вокруг мечника в одинаковых синих одеждах учеников, от которых разило потом. В руке она держала чашечку духовного чая, а ее взгляд казался беглым и равнодушным, когда она оглядывала боевую арену внизу. Однако на самом деле ее взор, дойдя до белокаменной колонны на краю площади, внезапно замер.

Ань Цяньгу, скрестив руки на груди, лениво прислонилась к этой колонне.

На ней по-прежнему была надета та самая слегка просторная верхняя одежда внешнего круга. Чтобы скрыть хрупкие женские плечи, она тщательно стянула грудь плотной тканью, да так туго, что даже дышать приходилось сдержанно и глубоко. Ее длинные волосы не были забраны в положенную по уставу секты нефритовую корону — их высоко стянула простая лента, а несколько выбившихся прядей падали на лоб, придавая ее лицу еще более холодный и мужественный вид.

Дыхание Линь Хуаньчжэнь невольно сбилось.

Она никак не ожидала, что по воле семьи приедет в Секту Десяти Тысяч Мечей посмотреть состязания и столкнется здесь с ним. С тем самым юным мечником, который когда-то одним ударом разрушил безвыходную ситуацию и спас ее в час смертельной опасности.

Он выглядел еще более тощим и подтянутым, чем в ее воспоминаниях, а в черта его бровей и глаз закралась отчужденная горделивость, не подпускающая никого близко. Линь Хуаньчжэнь глубоко вздохнула, ее сердце забилося о ребра, точно барабанная дробь. Как сильно ей хотелось подойти и окликнуть его спасителем, но, оглянувшись на бесчисленных сородичей и юношей из знатных семей, она насильно заставила себя остановиться.

Они пока еще толком не были знакомы. Она даже не знала, как его зовут, с какой стати ей, благородной девице из семьи Линь, без всякой причины прерывать уединение простого ученика?

Следующий бой: ученик внутреннего круга Ань Цяньгу против ученика внешнего круга Чжао Ху!

Громкий возглас распорядителя заставил шумную толпу на арене мгновенно немного утихнуть.

Ань Цяньгу неспешно оттолкнулась спиной от белокаменной колонны. Она стряхнула с синего халата пару пылинок, зажала в одной руке неказистый железный меч, лишенный какого-либо блеска, и мерным шагом направилась к помосту.

На возвышении Линь Хуаньчжэнь резко выпрямила спину, ее взгляд, словно пригвозденный гвоздем, неотступно следовал за этой удаляющейся спиной.

На ринге противником Ань Цяньгу оказался Чжао Ху, рослый ученик внешнего круга с лицом, исполосованным грубыми чертами. Ростом под девять чи, с бугрящимися по всему телу мускулами, он напоминал железную пагоду. В руке он сжимал тяжелый топор для раскалывания гор. Глядя на тщедушную фигурку Ань Цяньгу, Чжао Ху не скрывал презрения в глазах.

Ань Цяньгу, советую тебе сразу сдаться, — прогудел Чжао Ху так громко, что в воздухе зазвенело. — Чтобы потом оружие не задело твою смазливую мордашку. В тебе же кости да плоть, ты и половины моего топора не выдержишь!

Внизу раздался дружный взрыв хохота.

Ань Цяньгу ничего не ответила, лишь слегка опустила веки, а правая рука ее небрежно легла на рукоять меча. Стойка ее казалась расхлябанной, словно от любого дуновения ветра ее могло снести, но истинные мастера сразу бы поняли: сейчас ее ци была сжата до предела, а сама она походила на натянутую до отказа тетиву.

Цзинь...

Прозвенел чистый удар гонга, возвещающая о начале поединка.

Ищешь смерти! — Видя, что Ань Цяньгу не шевелится, Чжао Ху решил, что его пренебрегают.

Яростно взревев, он резко оттолкнулся ногами — под его сапогами по твердому синему камню арены побежали паутинки трещин. Он бросился вперед, словно сорвавшийся с горы тигр, а тяжелый топор со свистом, рассекающим воздух, обрушился прямо на голову Ань Цяньгу!

Удар вышел на редкость тяжелым и мощным: лезвие еще не долетело, а сокрушительный вихрь от него уже лишал людей дыхания.

На трибунах рука Линь Хуаньчжэнь судорожно сжалась на чашке, пальцы побелели до костей. Она непроизвольно подалась вперед всем корпусом, задержав дыхание от страха, как бы этот страшный топор не причинил хоть малейшего вреда стоявшему внизу человеку — ведь он был ее спасителем.

Однако в тот самый миг, когда лезвие топора почти коснулось волос Ань Цяньгу, она двинулась.

Она не отступила, напротив — шагнула навстречу огромному топору.

Цзэн!

Необычайно звонкий лязг меча пронесся над ареной, напоминая рев дракона, взмывающего в девять небес. Никто так и не разглядел, как Ань Цяньгу обнажила клинок. Толпа увидела лишь промелькнувший на помосте отблеск ледяного света, белый и холодный, словно иней, — столь быстрый, что он показался лишь игрой воображения.

В следующее мгновение Ань Цяньгу уже стояла за спиной Чжао Ху.

Она по-прежнему держала взгляд чуть опущенным, правая рука сжимала рукоять железного меча обратным хватом, а кончик клинка наискосок указывал в землю. Одна капля крови медленно скатилась по долу меча и упала на каменную плиту, распустившись алым цветком.

Бряк. Тяжелый топор выпал из рук Чжао Ху и рухнул на землю. Его массивная туша качнулась и грянула плашмя, полностью лишившись сознания.

На стадионе воцарилась мертвая тишина. Лишь спустя три полных вдоха над ареной грянули громогласные возгласы изумления.

О... один удар?!

О небеса, вы это видели? Ань Цяньгу потребовался всего один удар!

А на гостевых трибунах Линь Хуаньчжэнь шумно выдохнула, наконец расслабив напряженные плечи. Она опустила чашку и посмотрела на одинокую фигуру в синем, стоящую на арене с зачехленным мечом. В ее обычно холодных и надменных глазах сейчас разгорелся невиданный доселе свет.

Но это было лишь начало. Следующие два поединка и вовсе вознесли Ань Цяньгу на гребень волны всеобщего внимания.

Во втором бою ее соперником стал ученик внутреннего круга по имени Чэнь Фэн. Чэнь Фэн славился своей легкой и изящной техникой владения мечом, предпочитая вести бой на маневренной дистанции. Едва началось состязание, как он превратился в бирюзовый размытый силуэт, принявшись кружить вокруг Ань Цяньгу и непрерывно наносить удары. В один миг арена заполнилась бесчисленными отблесками клинков — казалось, сотни и тысячи мечей одновременно метнулись к Ань Цяньгу.

Сидевшие внизу ученики ахнули в испуге, решив, что Ань Цяньгу обречена на поражение. Тем не менее она двигалась меж смертоносных сетей мечей так непринужденно, будто прогуливалась по парку. Шаги ее казались беспорядочными, но на деле подчинялись какому-то сокровенному, тонкому ритму. Стоило острию меча Чэнь Фэна приблизиться к краю ее одежды, как она неизменно уклонялась под невероятным, причудливым углом.

Уворачиваясь, Ань Цяньгу даже не думала обнажать свой железный меч. Она просто ждала — ждала бреши в технике противника. Наконец, после тридцатого удара подряд дыхание Чэнь Фэна едва заметно сбилось.

В его защите появилась щель.

Вот оно!

Ань Цяньгу резко развернулась: левая рука ухватила рукоять, правая прижала гарду. Железный меч остался в ножнах, но вложил в удар мощь, способную сдвинуть горы, обрушившись на ребро меча Чэнь Фэна.

Лязг!

От оглушительного грохота Чэнь Фэну показалось, что чудовищная, непреодолимая сила ударила по его оружию; перепонки между большим и указательным пальцами мгновенно лопнули, брызнула кровь. Тело юноши отлетело назад, словно порванный воздушный змей, и он тяжело грохнулся у самого края помоста.

Признаю поражение, — бесстрастно произнесла Ань Цяньгу, словно только что стряхнула с плеча надоедливую муху.

На арене вновь воцарилось молчание. На этот раз даже Глава секты слегка кивнул, и в его глазах промелькнуло одобрение.

В третьем поединке противником Ань Цяньгу выступил Чжао Уцзи, входивший в десятку сильнейших учеников внутреннего круга.

Будучи прямым учеником Верховного старейшины, Чжао Уцзи обладал культивацией аж на девятом слое Закладывания Основы и издавна славился в секте своей жестокостью и безжалостностью. Поднимаясь на арену, он источал густой запах крови — явно на его счету было немало отнятых жизней.

Ань Цяньгу, твоя удача исчерпана, — холодно глядя на соперницу, промолвил Чжао Уцзи со злобой во взгляде. — Я покажу тебе, что такое подлинное отчаяние.

Ань Цяньгу по-прежнему молчала. Она лишь слегка приподняла веки, спокойно глядя на Чжао Уцзи. В ее глазах не было ни страха, ни гнева — лишь отрешенность, словно она уже видела всё насквозь.

Цзинь...

Гонг прозвенел вновь.

Не колеблясь ни секунды, Чжао Уцзи выхватил меч и пошел в атаку. Его техника была размашистой и яростной, каждый выпад сопровождался рассекающим воздух свистом, целясь исключительно в уязвимые точки Ань Цяньгу. Его приемы отличались предельной безжалостностью: это походило вовсе не на учебный поединок по принципу коснулись и разошлись, а на смертельную схватку.

Ань Цяньгу по-прежнему не обнажала оружия. Она лишь с помощью безупречной поступи лавировала в паутине мечей Чжао Уцзи. Но на сей раз нападение оказалось куда свирепее, чем у предыдущих противников: потоки ци рассекли рукава и пряди волос Ань Цяньгу, из-за чего она выглядела несколько потрепанной.

Что? Смекалки не хватает вытащить меч? — злобно ухмыльнулся Чжао Уцзи, наращивая темп. — Посмотрим, сколько ты еще сможешь бегать!

На помосте Линь Хуаньчжэнь снова занервничала, мертвой хваткой вцепившись в подлокотник кресла так, что ногти глубоко впились в древесину. Ей хотелось закричать, предупредить его, но она страшилась, что собственный голос помешает Ань Цяньгу.

И в тот момент, когда Чжао Уцзи, нацелив острие в самое сердце противницы, уже уверовал в свою победу...

Ань Цяньгу наконец двинулась.

Ее правая рука резко сжала рукоять — железо покинуло ножны. На сей раз звук меча оказался звонче и громче прежнего, напоминая песнь дракона в поднебесье.

Ослепительный луч света вырвался из рук Ань Цяньгу, мгновенно осветив всю арену. Этот свет был так невероятно быстр, что Чжао Уцзи даже не успел отреагировать. Он ощутил лишь леденящий душу холод в области сердца, а после этого его зрение погрузилось во тьму.

Бряк.

Меч Чжао Уцзи упал на камни. Он опустил голову, глядя на тонкий, в толщину волоса, порез на груди, и глаза его наполнились полным неверием.

Ты...

Признаю поражение, — равнодушно бросила Ань Цяньгу, возвращая меч в ножны.

Тело Чжао Уцзи качнулось и рухнуло на помост.

На душе у Ань Цяньгу было тихо, как в стоячей воде. В момент столкновения с Чжао Уцзи она уже убедилась: тот не обладал столь широкими замыслами.

Он был лишь пешкой в руках истинного кукловода.

<http://bllate.org/book/21200/2145962>